

НФБ: МИРЫ АРТЕМА КАМЕНИСТОГО

Артем КАМЕНИСТЫЙ
Аля ХОЛОДОВА

S-T-I-K-S
ЦВЕТ ЕЕ ГЛАЗ

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К18

Разработка серийного оформления *В. Матвеевой*

В оформлении переплета использована работа
художника *О. Юдина*

Каменистый, Артем.

К18 S-T-I-K-S. Цвет ее глаз : [фантастический роман] / Артем Каменистый, Аля Холодова. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 576 с. — (Новый фантастический боевик. Миры Артема Каменистого).

ISBN 978-5-699-96187-0

Эли родилась в Улье — крошке из осколков миров, населенной ордами зараженных, ожившими мертвяками и прочими кровожадными тварями. Но даже в этом хаосе есть порядок. И в одном из самых могущественных государств Улья, Азовском Союзе, создан Цветник, воспитанницы которого, девушки-орхидеи, существуют для того, чтобы ублажать важных господ. Судьба Эли стать супругой Дзена, чудовищного кваза, лидера Западной Конфедерации. Но стоит ли покоряться судьбе, если родилась для свободы и счастья?..

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Каменистый А., Холодова А., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-96187-0

«Внимание! Любое посягательство на эту иммунную считается актом агрессии против Азовского Союза. Виновники подлежат уничтожению на месте или занесению в черный список первой категории.

Всем военнослужащим и гражданским лицам Азовского Союза от лица Гражданского Совета приказываю немедленно доставить эту иммунную в Центральный штаб, обеспечив охрану и сведя к минимуму ее общение с посторонними.

В том случае, если она будет обнаружена мертвой или погибнет при транспортировке, приказываю принять все необходимые меры для оперативной доставки тела в один из двенадцати главных штабов. Также следует обеспечить сохранность тела.

Если тело значительно повреждено или оперативная доставка затруднена, приказываю его похоронить. Для этого желательно выбрать место, где произрастают цветы (луг, поле, клумба). На тело, по возможности, надеть белое платье, на могилу возложить белые орхидеи (или другие белые цветы). В том случае, если произвести захоронение невозможно, тело следует уничтожить (подрыв, сжигание), или надежно скрыть на стандартном кластере накануне перезагрузки, или привести в неузнаваемый вид. Личный браслет необходимо снять (перерезав крепление ремешка алмазным инструментом или ампутировав руку) и доставить в канцелярию ВСП департамента.

АРТЕМ КАМЕНИСТЫЙ, АЛЯ ХОЛОДОВА

Дата. Подпись представителя ВСП департамента. Отпечаток пальца воспитанницы. Ментат-метка воспитанницы. Группа крови и Rh воспитанницы. Рост. Цвет волос. Цвет глаз. Особые приметы. Номер в каталоге».

Стандартная форма записки
при браслете-маяке воспитанниц
средних и старших групп Цветника.

Глава 1

Нужно больше розового

С мишенью мне сегодня не повезло. Всем нормальные достались, в том смысле, что грязные, с одеждой жуть как все плохо, лица несимметрично расплывшиеся — будто недогоревшие свечи, на голове полный кавардак, ну и дальше по списку полный комплект нехорошего. А мой издали почти на нормального человека похож, а не на дергающуюся на привязи уродливо выгнувшуюся фигуру типа, мечтающего лишь об одном — освободиться от пластиковых пут, после чего слопать меня с чавканьем и хрустом, не теряя время на возню у плиты.

То есть сырой и даже живьем.

Вот уж мишень так мишень, ее будто специально подобрали, чтобы настроение в хлам испортить. Полноватая тетка лет сорока в нелепой двухцветной юбке и такой же дурацкой блузке, причем свободный верх, ни капельки не сочетался с зауженным низом. Она явно и до заражения была не очень-то адекватной, ведь это уже даже не безвкусица, это откровенная глупость, способная изуродовать самую идеальную фигуру. На живой такое сочетание смотрится смешно, на такой, конечно, все по-другому, смеяться никому не захочется. Пусть юбка и омерзительно грязная, как это всегда бывает с нижней частью одеяния тех бродячих, которые еще не растеряли свои тряпки, но волосы почти в порядке, лицо даже можно принять за нормальное, просто сонное, и под глазами чернеют вытянутые синяки, похожие на натёки некачественной туши. Семикратный

оптический прицел позволяет даже с такого расстояния различать аккуратные пятнышки ярко покрашенных ногтей, а ведь они чуть ли не в первую очередь меняются до неузнаваемо-уродливого состояния. По всему заметно, что моя цель переродилась недавно.

Возможно, еще вчера она была нормальным человеком. На что-то надеялась, чего-то боялась и пыталась узнать, почему мир так жестоко изменился и за что ее посадили в клетку вместе с такими же ничего не понимающими людьми. А потом — раз, и нормальные мысли остались в прошлом, теперь ей хочется только есть без оглядки на диету, причем есть особую пищу, без которой зараженные быстро теряют силы и перестают развиваться.

Ее, разумеется, хорошенько накормили, чтобы побыстрее двигалась, после чего связанную привезли сюда — в место, где нашли смерть немало таких же.

Совсем свежая, не настолько изменившаяся, как остальные, вот и дергается поменьше других, а ведь именно рваные движения издали выдают их нечеловеческую сущность — у нормальных людей моторика иная. Этим бегунам дистанция до огневого рубежа — мелкая помеха не только для ног, а и для глаз, ушей и, разумеется, — носов. Прекрасно нас чувствуют, ведь мы не пытаемся скрываться, а наши сопровождающие специально привлекают внимание зараженных, то и дело размахивая красными флажками. Всем известно, что для потерявших разум красный и оранжевый цвета — самые ненавистные, а уж если окрашенные в них объекты двигаются, твари приходят в неопишное бешенство.

Один даже руку свою грызть начал — возбудился не на шутку.

Нас на рубеже одиннадцать, плюс Ворона и Соня маячат за спинами. Сопровождение сюда не подпускают, гвардейцы держатся в отдалении, лишь офицер с сержантом уселись на раскладные стульчики шагах в двадцати и лениво таращатся в установленные на штативах подзорные трубы. Деся-

ток с лишним мертвяков, привязанных ко вбитым в землю кольям, изо всех сил стараются порвать путы и помчаться в сторону людей. Для них это лакомая еда, причем ее много, хватит, чтобы восстановить силы, насытиться до отвала, дать богатую пищу прожорливому механизму перерождения, который, в случае удачи, со временем превратит их в настоящих монстров, а не в эту печально-отвратительную пародию на людей.

Этих точно не превратит, сейчас они умрут окончательно. Но такую судьбу можно даже назвать везением, ведь им пусть и ненадолго, но удалось пережить остальных — тех, с кем оказались в одном загоне вскоре после прибытия.

Ворона подошла к сидящему на стульчике сержанту, о чем-то с ним поговорила и, развернувшись, своим, на зависть хорошо поставленным, голосом произнесла:

— Дистанция до цели — сто девяносто метров. Стрелять только по своим номерам и только после того, как их выпустят.

С таким прозвищем ей полагается каркать, но даже я не могу не признать — голос у нее на редкость мелодичный и на мужчин действует безотказно. Вон, все до единого гвардейцы в ее сторону покосились, а ведь они стараются сдерживаться в проявлениях своих чувств.

На плоском дне этой громадной ямы мы очутились уже далеко не в первый раз. Впервые такое со мной случилось в одиннадцать лет, в тот день я впервые подержала в руках настоящее оружие, а не пневматику или страйкбольные игрушки. И убила тоже впервые. При первых выездах мертвяки так и оставались на своих кольях, некоторые из них получали от нас множество пуль, прежде чем неопытные воспитанницы наконец дарили им покой. Затем задача усложнилась — мишени начали отпускать, и с тех пор порядок действий не менялся. Однако воспитательницы все время повторяют одно и то же, разве что цифра дистанции каждый раз другая.

Зараженных для нас привозят не самых слабых, но и сильными их не назовешь, ведь в загонах они не успевают как следует развиваться даже при обильной кормежке. Но все равно достаточно шустрые, и это расстояние преодолеют быстро. На середине дистанции проведена черта из насыпанного поверх чахлой травы и песка толченого мела. Ее уже давно не подновляли, дождями успела смыться, да и затоптали сильно при выездах, но все равно разглядеть можно. Если чья-то мишень пересечет белесую линию, воспитанница получит выговор.

Но только не я, моя цель так далеко не уйдет.

День, как назло, солнечный, а мое ненормальное зрение с солнцем не очень-то дружит. Пришлось несколько раз с силой зажмуриться, заставляя глаза работать как следует, а затем, не напрягая правый и не прикрывая левый, расслабленно уставилась на цель. В цифре, озвученной Вороной, я не нуждалась, потому что заранее побеспокоилась высчитать дистанцию по сетке «Mil-Dot», таблицу для своей винтовки помню прекрасно и знаю, что целиться нужно одной отметкой ниже перекрестья.

Некоторые предпочитают выждать, пока мишени почти доберутся до черты. Думают, что с такого расстояния свалить их куда проще. В чем-то я с ними согласна, но в чем-то категорически нет. Опыт всех выездов подсказывает, что в первую очередь зараженных привлекаем не мы, а флажки в руках гвардейцев. Да и сами гвардейцы тоже не могут их не интересовать. В привилегированные подразделения набирают обделенных мускулатурой и отбраковывают тех, чей рост меньше ста восьмидесяти сантиметров. Такая гора мяса ни одного мертвяка не оставит равнодушным, мы со своими идеальными пропорциями на фоне плечистых высоченных солдат вкусными блюдами не смотримся.

Наша позиция напротив кольев, но зараженные побегут не прямо на нас, они неизбежно начнут смещаться вправо и влево по направлению к лакомым солдатам. И чем ближе,

тем заметнее будет угловое смещение, а так как пули долетают до цели не мгновенно, придется учитывать движение мишеней. Это не так уж и трудно, но зачем мне лишние сложности, если можно легко обойтись без них.

Неразвитые мертвяки непроходимо тупы: некоторые не сразу осознают, что освободились; некоторые от чрезмерного рвения в этот момент валятся с ног. И те и другие оставляют чуточку времени на то, чтобы поразить их головы без поправок на движение. Также можно убить одним выстрелом, если попасть в верхнюю часть позвоночного столба, но по мне — такое проделать куда труднее. Поэтому я всегда выбираю мозг, на начальной стадии он у них не изменен и прикрыт обычными человеческими костями, до «живого булата» зрелых зараженных или, тем более, необъяснимых чудес живучей элиты им бесконечно далеко.

Теперь остается самое главное — не прозевать момент, когда сержант нажмет на кнопку. В моей винтовке всего один патрон, еще два я зажимаю между пальцев, но за последние десять стрельб я обращалась к ним лишь трижды, считая случай с осечкой. Но даже в тот раз это подарило мертвяку не больше пяти дополнительных секунд жизни.

Хотя какая же это жизнь? Кошмарное существование.

Нелепо одетая женщина резко дернулась, в тот же миг до ушей донесся слитный треск одиннадцати детонаторов, которые одновременно разорвали пластиковые хомуты, удерживающие мертвяков возле кольев. И сразу вслед за этим звонко ударил мой выстрел. Винтовка очень красивая, но не очень-то практичная, ведь предназначена для охоты на некрупную дичь и лучше всего себя проявляет при уничтожении пустых бутылок ради развлечения — примерно так о нашем оружии отзывались гвардейцы. Зато отдачи почти нет, я легко успела вернуть прицел, поймав в него свою цель. На миг неприятно удивилась, увидев, что она даже не думает умирать, но тут же успокоилась — мишень неловко упала на колени, затем завалилась вперед, оперлась на тут

же подломившиеся руки, зарылась лицом в песок, ноги ее конвульсивно задергались, и эти движения быстро затихали.

Все как обычно, похожие картинки я видела не знаю уже сколько раз. Кто-то принимает пулю мгновенно, кто-то может продержаться секунду-другую, а то и больше, но заканчивают все одинаково.

Прости меня, тетенька, но, думаю, ты вряд ли мечтала стать прожорливым монстром, так что я просто подарила тебе покой.

Но все же это свинство — ставить мишенью мертвяка, так похожего на обычного человека. «Спасибо» Вороне, определила на этот номер именно меня.

Вот ведь гадюка сладкоголосая.

Кроме моей мишени, от своего столба не успела удалиться еще одна — четвертая. Тинка с винтовкой — все равно что черепаха с велосипедом, она совершенно не умеет попадать по движущимся целям и потому с переменным успехом старается повторять мой прием. На этот раз успешно.

Вот упала еще одна фигура, девятая — Саманта отличилась, что очень даже удивительно, ведь стреляет она отвратительно, трех патронов ей хватает далеко не всегда. Миа своему попала в ногу, да так серьезно, что тот свалился и теперь пытается неуклюже ползти, зачем-то высоко вздернув грязный зад. Далеко не уйдет, он почти неподвижный, таких легко добивать.

До белой линии добрались лишь два мертвяка, причем один сильно хромал — тоже ногу зацепили. Вторая и десятая мишень — как обычно отличились Мишель и Кира. Самое смешное, что Кира стреляет даже лучше меня, но только из пистолета, и только из малого калибра. Все остальное у нее из рук валится, такие вот странности.

— Отставить стрельбу! — приказал сержант. — Гвоздь! Чердак! Зачистить оставшихся! Джигит, бери своих и собирайте манатки! В темпе!

Я на эти грубые крики даже не шелохнулась. Для нас гвардейцы — не указ, надо дожидаться воспитательниц, и до этого момента любоваться не слишком привлекательным зрелищем — гвардейцы Гвоздь и Чердак с неуклюжей картинностью собираются убить подбегающих мертвяков грубым оружием, похожим на кирки. Патроны слишком ценны, и без того на нас перевели десятка два, если можно обойтись без них, обходятся такими штуками или даже простыми топорами. Выглядит, конечно, тошнотворно, но эти одноклеточные громилы почему-то искренне верят, что мы когда-нибудь хором запищим от восхищения, глядя на их омерзительные «подвиги».

Наша система воспитания подразумевает почти полное отсутствие общения с мужчинами, в том числе и с гвардейцами. В идеале мы даже прозвища их знать не должны. Но почему-то знаем не только прозвища, но и то, что Гвоздь раньше был помощником у ментатов и почти не выбирался из подвалов Главного Управления Безопасности, где неоднократно принимал участие в допросах задержанных, в том числе и с применением пыток. А Чердака, за его заслуги на восточных рубежах в прошлом году, премировали женой из свежих, и он спустя неделю так сильно ее избил, что ей пришлось почти две недели провести в больнице, после чего их подвергли разводу, а такое считается тем еще позором.

Пусть оба как угодно пьжатся, но ни одна из нас даже не улыбнется на потуги столь несимпатичных типов. Ну разве что Лола, но она и мертвяку готова улыбнуться. Ей дай волю, она так и будет ходить с вечной улыбкой крайне недалекого человека — позитива у нее на пятерых.

— Мишель, Кира, мы вами недовольны, — с легкой укоризной произнесла Ворона. — Что вы можете сказать по поводу случившегося? Тем более у вас это далеко не первый раз.

— У меня живот болит так лежать, — попыталась отмазаться Кира.

Мишель благо разумно промолчала. На вид она столь же недалекая, как Лола, но ума у нее все же чуть побольше. Вот и сейчас прекрасно понимает, что любые оправдания бессмысленны.

Воспитанницы старших групп должны везде и во всем демонстрировать высочайшие успехи, Ворону и прочих воспитательниц не интересуют причины их неудач, им нужны все новые и новые достижения.

Впрочем, практическая стрельба — далеко не критичный предмет для орхидей, так что не стоит сильно беспокоиться, если у кого-то с ней нелады. Поэтому серьезный выговор по результатам вряд ли последует.

Ворона, будто прочитав мои мысли, оставила главных мазил в покое и решила подпортить мой мед каплей дегтя:

— Элли, ты не могла бы давать своим мишеням хотя бы несколько секунд, они у тебя не успевают даже на шаг отойти от столба. Со стороны иногда кажется, что ты стреляешь раньше, чем они освобождаются, а это недопустимо.

— Да, госпожа Альбина, простите, постараюсь так и сделать в следующий раз.

В следующий раз я поступлю в точности, как сейчас, но старшей воспитательнице знать об этом вовсе не обязательно.

— Девочки, поднимайтесь. Правильно поднимайтесь.

Слово «правильно» произнесла с нажимом, еще помнит, как Лола в позапрошлый раз, резко вскочив, потеряла равновесие и неуклюже завалилась на колено, отчего гвардейцы рассмеялись, а их придирчивый офицер, пропустив представление из-за болтовни с сержантом, не на шутку расสวิрепел и отругал подчиненных разнообразными нехорошими словами. Некоторые я услышала впервые, и не только я. Само собой, мы их постарались хорошенько запомнить, а Ворона, прекрасно это понимая, вечером устроила нам нудную лекцию на тему грязных языков, самоуважения и красоты вежливой речи.

Подняться — целое искусство, чтобы его освоить в совершенстве, требуется потратить не один месяц. Занятия проводятся на самых разных поверхностях: голых досках, спортивных матах, жестких диванах, мягких кроватях и сыпучем песке искусственного пляжа, который устроен возле уличного бассейна. В любой обстановке будущая жена достойного человека должна продемонстрировать максимально женственную грацию.

Это очень важно. Прежде чем даже чуть-чуть пошевелиться, подумай, как это будет выглядеть со стороны. Если неэстетично, нейтрально или тем более — нелепо, лучше вообще не двигайся.

Положить винтовку, приподнять торс, упершись при этом ладонями в розовое покрывало, под которым скрывается такого же цвета вспененный пластик, изогнувшись в талии, повернуться набок, одновременно запрокидывая голову с таким расчетом, чтобы одним движением перекинуть волосы за спину. Управление прической — самое сложное. Чуть-чуть не рассчитаешь, и половина ее останется болтаться перед лицом, а все прочее улетит назад, и выглядеть ты при этом будешь пугалом или, как выразилась однажды воспитательница Джейн, — лахудрой.

Жаль, что ее так быстро от нас убрали, она знала множество необычных словечек и делилась ими, не жадничая.

Некоторые думают, что полный беспорядок на голове идет многим женщинам. Это верно лишь в единичных случаях, во всех прочих беспорядок лишь кажущийся, на самом деле вы видите одну из самых сложнейших в исполнении и поддержании причесок.

Естественность — то, что выглядит просто, но добиться этого тяжелее всего.

Волосы ушли удачно, теперь приподняться еще больше, оставив под опору всего одну руку, подобрать ногу под себя с таким расчетом, чтобы, вставая, на миг продемонстрировать нижнюю часть бедра с другой стороны. Тут важно не